
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

РОССИЙСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ВЕКТОР РАЗВИТИЯ¹

Если за “день рождения” российской лингвокультурологии принять выход в свет в 1991 г. сборника статей под редакцией Н.Д. Арутюновой “Логический анализ языка. Культурные концепты”, посвященного “лингвистическим, логическим и философским проблемам изучения понятий, общих для научных теорий и обыденного сознания”, то это научное направление приближается к своему двадцатилетнему юбилею и можно подвести некоторые промежуточные итоги его методологической эволюции и предметной экспансии.

Имя этого научного направления уже фигурирует в “Википедии” – виртуальной свободной энциклопедии, там же отмечается, что общепринятого определения лингвокультурологии и единого мнения относительно её статуса, предмета и методов не существует (см.: <http://ru.wikipedia.org/wiki>). Что касается точного определения, то по большому счету в нем и нет необходимости, поскольку суть этой научной дисциплины достаточно ясно понимается из самого её названия и присутствует в любом из её толкований: изучение языка в единстве с культурой, т.е. культурология языка или лингвистика культуры (см.: [1, с. 47; 2, с. 12; 3, с. 28; 4, с. 217; 5, с. 31] и пр.). Естественно, однако, что целью её является постижение культуры через язык, а не наоборот, как у лингвострановедения.

При всем разбросе мнений относительно границ предметной области лингвокультурологии, выросшей из гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа, остается неизменным её междисциплинарный характер как “науки, возникшей на стыке лингвистики и культурологии” [6, с. 8]. Как и культурология – “отечественное нововведение”, наука, которой “нет более нигде” [7, с. 5], и которая, тем не менее, вошла в число ваковских специальностей, – лингвокультурология (во всяком случае как имя) представляет собой чисто автохтонное, российское образование, циркулирующее исключительно в русскоязыч-

ном научном пространстве: в западной научной традиции культурологию называют “культурной антропологией”, а лингвокультурологию – “антропологической лингвистикой”.

Возникнув в начале 90-х в Российской Федерации, лингвокультурология как “гибридная” научная дисциплина мало-помалу распространилась на значительную часть постсоветского пространства, где русский язык еще в ходу в качестве общенаучного койне (см.: [8; 9; 10] и др.), и даже воспроизводится на украинской “мове” (см.: [11; 12]).

Взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры происходят в самых разнообразных формах и, соответственно, столь же многоаспектен предмет лингвокультурологии, куда входят языковая и национальная картины мира, языковое сознание, языковая личность, ментальность, (этнический) менталитет, культурный код и пр. Основной же эвристической единицей лингвокультурологии является концепт (по умолчанию лингвокультурный), который, при любом толковании, сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, “погруженному” в культуру и язык. Совокупность концептов составляет национальную картину мира, представляет языковое сознание, формирует этнический менталитет, определяет тип языковой личности, а научное направление, изучающее концепты – линво(культурная) концептология, дает практически второе имя для лингвокультурологии.

Если лингвокультурология занимается исследованием лингвокультуры в целом, то лингвоконцептология изучает отдельные фрагменты лингвокультуры главным образом в сопоставительном аспекте. Как культурология и лингвокультурология, лингвоконцептология – также автохтонное “отечественное нововведение” в той мере, в какой этноспецифична её производящая основа “концепт” (см.: [13, с. 18]).

С момента возникновения лингвоконцептологии два десятилетия назад число публикаций, содержащих в своем названии слово “концепт”, увеличивалось чуть ли не в геометрической про-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ [грант № 10-04-38-404 а/Ю].

грессии: на сегодняшний день счет монографий и докторских диссертаций здесь идет на десятки, кандидатских диссертаций – на сотни, а статей – на тысячи, изучаются не только отдельные конкретные концепты, но и теоретические основы ЛК-концептологии (см.: [14; 15]).

Как уже установлено, концепт – “зонтиковый термин”, покрывающий предметные области нескольких научных направлений, в языкознании – это, прежде всего, когнитивная лингвистика (лингвокогнитология) и лингвокультурология (см.: [16]). Лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к концепту обычно разводятся по ориентации исследовательского вектора: если лингвокогнитология идет от концепта в индивидуальном сознании к его представлению в коллективном сознании (культуре), то лингвокультура движется от коллективных представлений о концепте к индивидуальным (см.: [17, с. 117]); если лингвокогнитологические исследования имеют типологическую направленность и сфокусированы на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных представлений, то лингвокультурология ориентируется скорее на изучение специфического в составе ментальных единиц и направлена на описание отличительных семантических признаков конкретных концептов (см.: [16, с. 7]). По существу отличия эти, говоря юридическим языком, ничтожны, поскольку отделить культуру от формы её языкового представления невозможно, а разногласия по поводу лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению концепта напоминают споры лилипутов о том, с какого конца нужно разбивать яйцо.

Лингвоконцептология сейчас, пожалуй, самое модное направление в российском языкознании – “такое сейчас носят” – и “концепт” продолжает оставаться паролным термином, употребление которого, по мысли его пользователей, должно свидетельствовать об их научной “продвинутости”.

Лингвоконцептология на сегодняшний день – вполне состоявшееся и зрелое научное направление, о чем свидетельствует помимо наличия устоявшегося категориального аппарата и наработанных методологических алгоритмов исследования целый ряд косвенных признаков: появление учебных курсов и пособий (см.: [18; 19]), выход в лексикографическую практику – появление словарей концептов (концептуариев) (см.: [20; 21]), осмысление в терминах лингвоконцептологии практики перевода (см., например: [22]) и выход в лингводидактику (см.: [23]).

Особого разговора, как представляется, заслуживает продолжающаяся “Антология концептов” (см.: [24; 25]) под редакцией В.И. Карасика и И.А. Стернина, первый том которой увидел свет в 2005 г., а седьмой – в 2009 (1 и 2 тома были также переизданы одной книгой в издательстве “Гнозис”). В этом многотомном издании собраны полторы сотни работ как лингвоконцептологической, так и лингвокультурологической направленности и представлены концепты самых разнообразных типов и уровней начиная от таких заземленных культурных реалий, как вода, цветок, чай, пища, и заканчивая такими универсалиями духовной культуры, как любовь, красота, свобода, Бог, истина, закон, причем некоторые из них представлены здесь по несколько раз (труд, дружба, любовь, путешествие, возраст, толерантность, семья, демократия, деньги и др.). Появление “Антологии” вызвало резкую и в определенном смысле вполне обоснованную критику (см.: [26]), поскольку представленные в ней работы никак не соответствуют канонам научной статьи: это “тени теней” – препарированные авторефераты диссертаций, кандидатских и докторских, из которых убрана “паспортная часть” и сокращена до минимума часть теоретическая. Соответственно, там отсутствует полноценная иллюстративная и доказательная базы, а в полном объеме присутствуют методологические декларации и выводы, нет списка цитированной литературы, а есть список публикаций автора. Однако все это отнюдь не умаляет ценности “Антологии” как справочного пособия – источника, из которого можно почерпнуть сведения о том, что происходит в мире лингвоконцептологии: какие концепты уже описаны и как они описаны.

Если споры относительно природы и сущности концепта вообще продолжаются и, наверное, будут продолжаться до бесконечности, то концепт как объект лингвокультурологического исследования свое самое общее, рабочее определение, под которое подпадают практически все выделяемые здесь его виды, как представляется, уже нашел: это сложное (многомерное и многопризнаковое) ментальное образование (смысл), отмеченное культурной спецификой и имеющее имя (выражение в языке).

Также определились основные функциональные предназначения лингвокультурных концептов: они, прежде всего, представляют собой конституирующие единицы этнического менталитета, его “опорные точки” [27, с. 112], совокупность которых образует лингвоконцептосферу как языковую картину мира, фрагментами которой они и являются. В то же самое время некоторые из них

способны выполнять функцию организующего начала дискурса и выступать в качестве базовых концептов последнего. Тогда политический дискурс организуется вокруг концептов “власть” и “политик” (см.: [28, с. 69]), религиозный – вокруг концептов “вера” и “Бог” (см.: [29, с. 100–106]), а базовыми концептами таких “экзотических” видов дискурса, как презентационный и виндиктивный, будут “театральность” и “месть” соответственно (см.: [30, с. 133–134; 31, с. 79–80]).

Сложные и многомерные семантические образования, лингвокультурные концепты в принципе не поддаются типологизации на основе какого-либо единого классификационного признака, и, как отмечается, построение исчерпывающей и непротиворечивой классификации концептов весьма проблематично (см.: [32, с. 24]).

Так, по степени абстрагированности выделяются ЛК-концепты предельного уровня, представляющие собой обыденные аналоги мировоззренческих терминов (см.: [33, с. 617]) – абеляровских смыслов, “возникающих в душе говорящего и направленных на душу слушающего” [34, с. 84], которые соответствуют современным мировоззренческим универсалиям, организующим в целостную систему сущностные ценности культуры (см.: [35, с. 343]): справедливость, свобода, истина, красота, судьба, душа, счастье, любовь, родина и пр. Универсалии духовной культуры – абстракции высшего уровня, они принципиально ненаблюдаемы, постигаются умоэзрительно, а для их представления сознанию – “овеществления” – активно используется метафорика. На самом низком уровне здесь расположены ЛК-концептуализации конкретных отприродных и артефактных объектов: вода, автомобиль, лошадь, сердце, голова, компьютер и пр.

Все прочие ЛК-концепты располагаются между этими полюсами, тяготея к одному из них. Так, эмоциональные концепты (радость, гнев, печаль, тоска, страх, удивление, стыд, вина, гордость и пр.) по признаку ненаблюдаемости идут сразу после универсалий духовной культуры, далее идут абстракции среднего уровня (язык, чудо, труд, дом, война, мужчина, женщина, деньги, строительство и пр.), сценарно-событийные концепты (свадьба, похороны, путешествие, застолье, питье и пр.), концептуализации топонимов (Россия, Америка, Германия, Китай, Лондон, Санкт-Петербург, Сочи и пр.) и антропонимов (см., например: [36]) и так далее.

Типология ЛК-концептов по познавательному признаку – способу отражения действительности – частично совпадает с их делением на “пара-

метрические” и “непараметрические”, где первые представляют собой классифицирующие категории для описания свойств объектов, а вторые – отражают предметное содержание этих объектов (см.: [32, с. 29]).

Другим достаточно популярным принципом классификации ЛК-концептов является референциально-тематический, заключающийся в их распределении по предметным областям (областям знания), к которым отправляет их содержание, и тогда выделяются философские (этические, эстетические, аксиологические), религиозные, мифологизированные, семиотические, когнитивные, иллюкутивные, опять же эмоциональные, экономические, социологические, психологические, пространственно-временные, природных явлений, времен года, хроматические, образовательные (академические), профессиональные, идеологические, географические (топонимические), антропонимические, художественные, фольклорные, бытовые, онтогендерные, родства, внутреннего мира человека и пр. ЛК-концепты.

Еще одним, практически общепринятым, является деление ЛК-концептов по кванторно-социологическому признаку на единичные (индивидуальные), групповые (социоспецифические и этноспецифические) и универсальные (см., например: [32, с. 30–31]). Единичные ЛК-концепты – это, преимущественно, единицы художественной концептосферы определенного автора (см., например: [37; 38; 39; 40; 41; 42] и пр.), групповые – единицы языкового сознания определенной социальной группы (см., например: [43; 44]) или этноса (нации) (см., например: [45; 46]), а универсальные – составляющие духовного мира всего человечества.

Следует, однако, заметить, что универсальность и специфичность в отношении ЛК-концептов – категории в достаточной степени относительные: любые универсалии духовной культуры, составляющие менталитет нации и находящие выражение в её языке, уже тем самым в определенной мере специфичны, а самый этноспецифический ЛК-концепт тем не менее содержит в своем составе некий понятийный компонент, позволяющий иноязычному сознанию идентифицировать хотя бы предметную область и категориальную принадлежность этого концепта, сравним, например, русскую “тоску” (“душевная тревога, томление, соединенное с грустью и скукой” – [47, с. 743]) и португальскую *saudade*, где, при всей этноспецифике этих концептов, присутствует, тем не менее, указание на их общий отрицательно-эмоциональный характер: *saudade* – *mágoa que se sente pela*

ausência ou desaparecimento de pessoas, coisas, estados ou acções [48, p. 1286–1287] – “душевная боль, которая возникает в результате потери или отсутствия людей, вещей, ситуаций или действий”.

Имеют место также различные дихотомические классификации ЛК-концептов по наличию-отсутствию определенного признака. Так, прагматическая типология ЛК-концептов по признаку культурной значимости осуществляется путем их деления на ключевые (основные, базовые, “константы” – [20, с. 76], “культурные доминанты” – [17, с. 142]), и все прочие, т.е., видимо, периферийные (см.: [49, с. 10; 50, с. 3]). Основные ЛК-концепты (“дух/душа”, “разум/ум”, “истина/правда”, “свобода/воля”, “совесть/стыд”, “тоска” и пр. для русского языкового сознания) дают ключ к пониманию языкового менталитета и специфики языковой картины мира его носителей (см.: [51, с. 237–256]).

В отдельную группу по коммуникативно-социальному признаку выделяются концепты-лингвокультурные типы: “узнаваемые образы представителей определенной культуры” [32, с. 179], производные от типологии языковых личностей: “русский предприниматель”, “американский адвокат”, “английский сноб”, “китайский врачеватель”, “комсомолец”, “пижон” и пр. (см.: [52]).

Дихотомическая типология ЛК-концептов может быть продолжена, в принципе, по любому значимому признаку, выделяемому в их семантике, и тогда появляется деление ЛК-концептов на вариативные (см.: [14, с. 17]) и не-вариативные, регулятивные (фиксирующие “оценочный кодекс той или иной культуры” – [32, с. 30]) и не-регулятивные и т.д.

Можно еще раз отметить, что признаки, положенные в основу классификации ЛК-концептов, пересекаются, в результате чего, например, эмоциональные концепты оказываются как в уровневой группе, так и в референциально-тематической, а художественные – как в референциально-тематической, так и в кванторно-социологической.

Следствием многомерности ЛК-концептов как качественного разнообразия их содержания, очевидно, является выделение в их семантике отдельных составляющих, получающих в зависимости от используемой эвристической модели названия компонентов, слоев, страт, секторов и пр. Уже основоположник российской лингвоконцептологии Ю. С. Степанов, говоря о сложной структуре концепта, выделял в его составе понятийное, собственно культурное, собственно языковое (этимология, внутренняя форма) содержание,

пассивный (исторический) и активный (актуальный) слои (см.: [20, с. 41–53]). В настоящее время в лингвоконцептологии обычно упоминаются понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие, причем более или менее согласованное единство мнений – и то с определенными оговорками – существует лишь в отношении двух из них – понятийной и образной.

Понятийная составляющая ЛК-концепта – его “энциклопедическое поле” [53, с. 173] – включает в себя, естественно, все то, что в логике называют содержанием понятия: совокупность общих и существенных признаков класса объектов (см.: [20, с. 41; 17, с. 128–129]), представленных в сознании рационально и позволяющих последнему отделить этот класс от других видовых классов внутри соответствующей родовой области. Однако рациональность здесь понимается преимущественно апофатически: как часть содержания сознания, не имеющая чувственной поддержки, и поэтому, как представляется, вполне допустимо толкование понятийной составляющей как того в семантическом составе концепта, что остается за вычетом всех прочих составляющих.

Как известно, в логике понятие, помимо содержания (сигнификата), имеет также и объем (денотат), куда входят все предметы, обладающие признаками, зафиксированными в его содержании. Резонно предположить, что понятийная составляющая ЛК-концепта в качестве “вещного субстрата” обладает также и своим объемом – классом носителей этих признаков. И если чаще всего мыслимые признаки и реальные свойства объекта изучения относительно легко делимы, то в случае описания исторических событий, фактов и персонажей содержание и объем понятийной составляющей зачастую не совпадают: реальный Чапаев и его судьба отличаются от мифологизированного образа Чапаева в обиходном сознании, наполнение которого как раз и изучает лингвокультурология, а выстрел “Авроры” и штурм Зимнего дворца весьма отличаются от реальных событий октября 1917 года.

Обязательность присутствия в содержании ЛК-концепта образной составляющей признается практически всеми лингвоконцептологами (см., например: [54, с. 13; 55, с. 8]). Более того, именно эта часть семантики концепта, очевидно, прежде всего и отличает его от соответствующего понятия. В подавляющем большинстве лингвоконцептологических исследований образная составляющая по качественным характеристикам содержащихся в ней образов разделяется на две части: “перцептивную” [53, с. 173] или “предметно-образную”

[17, с. 127], отражающую опыт чувственного восприятия денотата концепта субъектом сознания, и “когнитивную” [53, с. 173] или метафорически-образную, фиксирующую метафоры, с помощью которых понятийное наполнение концепта представляется сознанию. Отмечается также особая, инструментальная роль образной составляющей ЛК-концепта, поскольку она представляет собой своего рода средство выражения понятийного содержания последнего.

В функциональном аспекте как предметно-, так и метафорически-образная составляющие представляют собой ассоциации, сеть которых устанавливается исследователем в том числе и в ходе ассоциативного эксперимента (см.: [18, с. 42–49]). Однако не следует забывать, что в качестве стимула здесь предъявляется не сам концепт, а его имя и полученные ответы представляют собой реакцию именно на слово.

Ценностная (см.: [54, с. 13]) и значимостная (см.: [56]) составляющие выделяются уже не всеми лингвоконцептологами, и согласованного единства мнений относительно их сущности и качественной определенности пока не существует.

В отсутствие четкого и жесткого определения под ценностной составляющей ЛК-концепта, очевидно, понимается его культурная значимость, позволяющая трактовать особо важные для какой-либо культуры смыслы как “культурные доминанты” [17, с. 142].

Действительно – и с этим не поспоришь – любой концепт как отражение факта культуры в общественном сознании уже “по умолчанию”, *forcément* представляет собой определенную ценность. Иначе он не стал бы “сгустком смысла”, зафиксированным в коллективной памяти, как не нашли бы своего имени в языке малозначимые смыслы. Если ценность – свойство объекта удовлетворять или препятствовать (“антиценность”) удовлетворению какой-либо потребности субъекта и одновременно результат акта оценивания, то какая ценность, вернее, её разновидность (о типах оценки см.: [33, с. 198–199]), представлена в ценностной составляющей ЛК-концепта – общеаксиологическая (суммарная, “холическая”), гедоническая, психологическая, эстетическая, этическая, утилитарная и пр.?

И еще: что такое “эмоциональная оценка” и в каком отношении она находится к ЛК-концепту? Мнение о том, что концепты “не только мыслятся, но и переживаются” [20, с. 41], заставляют биться сердце быстрее при попадании в фокус мысли (см.: [57, с. 5]), стало общим местом, однако автор настоящей работы держал “в фокусе мыс-

ли” не один год такие концепты, как “счастье”, “любовь”, “справедливость/несправедливость”, не испытывая при этом никакого душевного трепета. Может быть, все-таки, переживаются не концепты, а конкретные эмоциогенные ситуации, и сколько раз ни повторяй слово “халва”, во рту сладко не станет?

В то время как ценностная составляющая не совпадает с эмоциональной оценкой, она лишена и качественной определенности, позволяющей отделить её от “понятийности” (рациональности): “хорошо/плохо”, “добро/зло” вполне спокойно постигаются умозрительно, без всяких эмоций и образов. Помимо этого она носит “размытый” характер – её “фрагменты” зачастую рассредоточены в различных областях и точках семантической структуры ЛК-концепта, как в понятийной (аксиология и праксеология ЛК-концептов, как правило, присутствуют в паремиологическом фонде языка), так и в образной составляющей, не говоря уж о том, что оценочные коннотации, как правило, закреплены за вербальными знаками, с помощью которых “овеществляется” концепт (ср.: “осел” и “ишак” – первый глупый и упрямый, а второй трудолюбивый).

ЛК-концепт по определению – это некий культурно-значимый смысл, находящий выражение в языке, где под “выражением” понимается совокупность языковых средств, иллюстрирующих, уточняющих или развивающих содержание этого концепта (см.: [17, с. 110]). Языковые средства здесь признаются неотъемлемой частью *лингвокультурного* концепта уже по умолчанию, но, тем не менее, отделяются от собственно содержания концепта, в то время как “выводы лингвиста о структуре и содержании описываемых концептов ограничены лингвистическим материалом” [53, с. 172], а изучение этимологии и “внутренней формы” имен-выразителей концепта стало обязательным атрибутом лингвоконцептологических исследований. Однако средства вербализации концепта – это, преимущественно, слова, а слова как полноценные знаки имеют свою собственную концептуальную часть – план содержания, семантику, с которой нужно как-то определяться: решить, входит ли она в содержание концепта или же существует сама по себе.

Как представляется, логично было бы выделить эксплицитно специфически языковую семантику средств выражения ЛК-концепта в отдельную его составляющую: значимостную, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексической системе языка. Сюда войдут парадигматика, синтагматика и этимология имени концепта, а

также, очевидно, соотношение частеречных реализаций этого имени и его словообразовательная продуктивность. Вообще говоря, значимостными являются и прагматилистические свойства лексико-грамматических единиц, поскольку они реализуются исключительно на фоне синонимического ряда (см.: [58, с. 103–105]).

К настоящему времени сложилась более или менее согласованная методика описания ЛК-концептов, включающая приемы выделения имени концепта, способы этимологического и компонентного анализа этого имени, семантический анализ контекстов употребления средств выражения концепта, ассоциативный эксперимент, когнитивное моделирование, частотный анализ и пр. (см.: [32, с. 32; 59, с.: 96–159]). В качестве источника языкового материала для исследования ЛК-концептов привлекаются данные выборки практически из всех видов дискурса, паремиологии и лексикографии, опрос информантов.

Практическое применение этой методики определяется типом концепта и зависит от исследовательской направленности конкретной лингвоконцептологической школы: приемы семантико-когнитивного анализа, разработанные некогда А.П. Бабушкиным (см.: [60, с. 43–68]), используются при изучении предметно-событийных концептов, причем исследование идет от языковых средств выражения концепта к его содержанию, в то самое время как моделирование концептов-абстракций идет от содержания концепта к средствам его вербализации и начинается с данных специализированного дискурса (научного, религиозного, юридического и пр.), на основании которых выделяется дефиниционный минимум и конститутивные признаки этого концепта (см.: [61, с. 6–9]).

“Концепт”, “концепция”, “позиционироваться”, “мониторить” – модные “умные” слова, а мода, как известно, дама легкомысленная и изменчивая. За два десятка лет активного употребления термин “концепт” должен, что называется, изрядно навязнуть в зубах, не говоря о том, что ему изначально присущи определенные “врожденные пороки” – в частности, он, как и “лингвокультурология”, идиоэтничен и в принципе неприводим на языки, в лексической системе которых имеется соответствующая латинская основа *concep(us/um)* (см.: [13, с. 18]).

Как показывает история науки, любое научное направление имеет свой жизненный цикл: оно когда-то зарождается, какое-то время развивается и когда-то сходит на нет, и, наверное, лингвоконцептология в этом отношении не составляет ис-

ключения. К тому же к середине “нулевых” в её триумфальном шествии наметился определенный застой и кризисные явления: вырождение её базового термина – концептом стали называть план содержания любого вербального знака, содержащего хотя бы намек на культурную специфику, а в выборе объекта исследования лингвоконцептологи стали все чаще использовать “метод дятла” – долбления в одну точку, когда один и тот же концепт описывался по нескольку раз (“судьба”, “семья”, “любовь”, “дружба”, “труд”, “деньги” и пр.). Тем не менее, “все врут календари” – прогноз относительно скорой кончины лингвоконцептологии (см.: [62, с. 3]) так и не оправдался и её жизненный цикл оказался аномально долгим.

“Куда двигать науку?” – задавался вопрос в старом советском анекдоте. Вперед – трудно, назад – идеология не позволяет, остается одно – двигать её вбок. И именно “вбок” двигалась лингвоконцептология в первые годы своего существования, развиваясь экстенсивно за счет включения в свою предметную область все новых и новых объектов, пока в ней не появились такие концепты, как “питие” [63], “брань” [64], “князь” [65], “воровство” [66] и даже “боевой листок” [67, с. 15] как элемент концептосферы “Великая Отечественная война”.

Когда же возможности расширения предметной области ЛК-концептов оказались практически исчерпанными, лингвоконцептологии пришлось изменить вектор исследовательской направленности с горизонтального, экстенсивного на вертикальный, интенсивный и начать развиваться “вверх” и “вниз”: в том направлении, которое передается латинским словом *profundus* – “глубокий” как отклоняющийся от места наблюдателя по вертикали, и её предмет, с одной стороны, стал укрупняться, с другой, – дробиться. Все это, видимо, в конечном итоге привело к определенному “ренессансу” лингвоконцептологии и, безусловно, продлило её жизненный цикл. В то же самое время можно сказать, что маятник гуманитарного знания здесь в определенном смысле двинулся в обратную сторону: от изучения исключительно содержательных свойств объекта лингвоконцептология занялась еще и исследованием формы его ментального представления и семантической организации.

При движении “вверх” предметная область лингвоконцептологии изменилась за счет заполнения противостоического “гиатуса” между конкретными лингвоконцептами, список которых стал практически исчерпывающим, и лихачевской концептосферой – за счет выделения укрупненных, гиперонимических единиц, в границах

которых можно было бы изучать как сами концепты, так и их семантические противочлены – “антиконцепты”. И тогда в числе объектов исследования появились “концептуальная область” [68], “концептуальное поле” [69; 70], “концептуальная диада” [71], “сверхконцепт” [8], “гиперконцепт” [72], “макроконцепт” [73], “градиент-концепт” [74], “бинарные концепты” [75] и, наконец, “лингвокультурная идея” [76].

Движение “вниз”, прежде всего, привело к углубленному исследованию отдельных особо значимых для лингвокультуры концептов уже на уровне докторских диссертаций (см.: [77; 78] и пр.), а также к выделению новых типов концептов: лингвокультурных типажей (см.: [79]), прецедентных личностей (см.: [36]), биномиальных (см.: [80; 81] и пр.) и символических (см.: [82; 83]), ключевых концептов дискурса (см.: [31]). Стали также изучаться подвиды ЛК-концептов: их дискурсные (см.: [84; 85]) и диахронические варианты.

Продолжается дробление и дифференциация основных составляющих ЛК-концепта и возникает своего рода “наноконцептология”, когда объектом изучения становятся части частей концепта. Так, в составе образной составляющей к уже выделенным образно-метафорической и образно-перцептивной добавляется еще и образно-прецедентная, включающая закрепленные в языковом сознании ассоциативные признаки литературных и фольклорных персонажей, олицетворяющих исследуемый концепт (см.: [86, с. 17]). В свою очередь значимостная составляющая “расщепляется” на этимологическую, словарную (синонимы, антонимы, дериваты имени концепта) и собственно ассоциативную, включающую результаты ассоциативного эксперимента.

Выход из предкризисного состояния и постепенное изменение вектора развития, тем не менее, не избавили лингвоконцептологию от определенных слабых мест в её теории, внутренних противоречий и даже парадоксов, вытекающих, главным образом, из принятых принципов деления ЛК-концепта на качественно отличные друг от друга составляющие.

Так, если не включать в состав ЛК-концепта языковую, значимостную составляющую, то признаки логического парадокса можно усмотреть в самом факте конституирования, например, концептов “добро” и “зло” (см.: [87; 88]), поскольку ЛК-концепт по определению сложное, многомерное ментальное образование, а “добро” и “зло” – это, по сути, результат гипостазирования аксиологической оценки, представленной рассудочно,

рационально. Тем самым их семантический состав вырождается до одного признака и одной – либо ценностной, либо понятийной – составляющей, а в работах исследуется не сам концепт, а описывается множество объектов аксиологической оценки (см.: [89]).

Другой парадокс возникает при конституировании таких концептов, как, например, “ангел” и “дьявол” (см.: [77]), когда статус концепта приписывается его образному воплощению: “ангел” и “дьявол” являются символами основных понятий бытия – “добра” и “зла”, и это, по сути, означает, что в представлениях об ангеле персонифицируется, т.е. метафоризируется концепт добра, а в представлениях о дьяволе – концепт зла. Не совсем понятно, почему в качестве имени концепта берется название его метафорической составляющей – ангела/дьявола, а не собственно универсальной философской категории добра. Здесь, как представляется, происходит то же самое, что и в случае “концептов” черемухи, березы и прочих русских прагматимов, символизирующих концепт России, но не являющихся отдельными концептами. В принципе, то же самое происходит при выделении «символического концепта “подарок”» [83], поскольку подарок сам по себе символизирует и благодарность, и просто симпатию, и корыстный расчет.

Общепризнано, что при переносе имени абстрактного на имя конкретное абстракция “материализуется” – становится доступной чувственному восприятию (“Царство небесное подобно горчичному зерну” – Мф. 13 : 31), при переносе имени конкретного на другое конкретное имя в семантике первого выделяются какие-то важные признаки (“смотреть волком”). Однако функции переноса имени конкретного на имя абстрактное (если такое имеет место), по меньшей мере, непонятны: “запах – душа, запах – красота” [90, с. 8]. Может быть, здесь имеют место вовсе не метафорические отношения, или же это “обратная метафора” – не “запах – это красота”, а “красота – это запах”, и не “запах – это душа”, а “душа – это запах”?

О возможности смешения собственно концептуального содержания и денотата концепта уже говорилось, существует также возможность смешения понятийной и значимостной составляющей ЛК-концепта, когда отождествляются ключевые концепты какой-либо лингвокультуры и её ключевые слова, что отнюдь не то же самое: ключевому слову “авось”, например, соответствует ключевой концепт “беспечность”.

После обзора достижений и “болевых точек” российской лингвоконцептологии хотелось бы попытаться объяснить феномен её дисциплинарной “живучести” в сегодняшнем мире методологического плюрализма.

1. Прежде всего, как представляется, продолжает оставаться востребованным базовый термин её категориального аппарата – лингвокультурный концепт, в котором воплотилась насущная необходимость лингвистической науки в термине, способном отправлять к семантическому содержанию не одной какой-либо языковой единицы, а к совокупной семантике определенного множества этих единиц.

2. В немалой степени сегодняшняя востребованность этой научной дисциплины определяется присутствием в лингвоконцептологических исследованиях некой “сверхзадачи”: выявления (подтверждения или опровержения) данных о структуре и наполнении этнического менталитета носителей определенной лингвокультуры, что выгодно отличает её от классического языкознания, в частности, структурной лингвистики, ориентированной на автономное описание языковой системы.

3. Конечная цель лингвоконцептологии: установление единой универсальной системы лингвоконцептов через изучение отдельных концептов и отдельных национальных концептосфер и их последующее сопоставление – на сегодняшний момент не достигнута.

4. И, наконец, длительность её жизненного цикла объясняется тем простым фактом, что на настоящий момент у неё нет реальных конкурентов: помимо “теней прошлого” структурно-системной лингвистике ей противопоставить в общем-то нечего.

Таким образом, как представляется, наблюдения над эволюцией и современным состоянием российской лингвоконцептологии дают основания для следующих заключений.

Лингвоконцептология, как и лингвокультурология, представляет собой чисто автохтонное, российское образование, циркулирующее исключительно в русскоязычном научном пространстве. Основной эвристической единицей лингвокультурологии является концепт (по умолчанию лингвокультурный), нашедший свое самое общее определение: это сложное (многомерное и многопризнаковое) ментальное образование (смысл), отмеченное культурной спецификой и имеющее имя (выражение в языке). Определены также основные функциональные предназначения лингво-

культурных концептов: они представляют собой конституирующие единицы этнического менталитета и организующее начало дискурса.

Лингвоконцептология на сегодняшний день вполне состоявшееся научное направление, о чем свидетельствует помимо наличия устоявшегося категориального аппарата и наработанных методологических алгоритмов исследования целый ряд косвенных признаков: появление учебных курсов и пособий, выход в лексикографическую практику – появление словарей концептов, осмысление в терминах лингвоконцептологии практики перевода и выход в лингводидактику.

Сложные и многомерные семантические образования, лингвокультурные концепты в принципе не поддаются типологизации на основе какого-либо единого классификационного признака. Следствием многомерности ЛК-концептов как качественного разнообразия их содержания является выделение в их семантике отдельных составляющих, получающих в зависимости от используемой эвристической модели названия компонентов, слоев, страт, секторов и пр.

К середине “нулевых” в триумфальном шествии лингвоконцептологии наметились определенные кризисные проявления, однако в дальнейшем, сменив вектор развития с экстенсивного, горизонтального на вертикальный, интенсивный, она обрела “второе дыхание”. При движении “вверх” предметная область лингвоконцептологии изменилась за счет заполнения “гиатуса” между конкретными лингвоконцептами и национальной концептосферой за счет выделения укрупненных единиц, в границах которых можно было бы изучать как сами концепты, так и их семантические противочлены. Движение “вниз” привело к углубленному исследованию отдельных особо значимых для лингвокультуры концептов, а также к выделению новых типов и разновидностей концептов. Продолжилось дробление и дифференциация основных составляющих ЛК-концепта, и объектом изучения стали части частей концепта.

Выход из предкризисного состояния и изменение вектора развития, однако, не избавили лингвоконцептологию от определенных внутренних противоречий и даже парадоксов, вытекающих, главным образом, из принятых принципов деления ЛК-концепта на качественно отличные друг от друга составляющие.

Длительность жизненного цикла лингвоконцептологии объясняется, с одной стороны, продолжающейся востребованностью её базового термина и, с другой – присутствием в лингвокон-

цептологических исследованиях “сверхзадачи”: выявления и верификации данных о структуре и наполнении этнического менталитета.

С.Г. Воркачев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997.
2. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М., 2001.
4. *Телия В.В.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
5. *Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии. М., 2004.
6. *Маслова В.В.* Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
7. Культурология как наука: за и против // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 3–31.
8. *Арутюнян Н.Л.* Трансцендентные сверхконцепты в лингвокультурном аспекте (на материале английского языка в сопоставлении с армянским): АҚД. Ереван, 2010.
9. *Полина А.В.* Языковая объективация концепта Бог в английском дискурсе 19–20 вв.: АҚД. Харьков, 2004.
10. *Уматова Ж.М.* Концепты душа/жан как лингвокультурологический феномен: АҚД. Алма-Ата, 2005.
11. *Васильева М.А.* Метафорична реалізація концепту політика в сучасному англомовному політичному дискурсі: АҚД. Харьков, 2008.
12. *Приходько А.М.* Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. Запоріжжя, 2008.
13. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 66. 2007. № 2. С. 13–22.
14. *Крючкова Н.В.* Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов (на материале русского, английского, французского языков): АҚД. Саратов, 2009.
15. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и мета-концепты: АҚД. Волгоград, 2004.
16. *Воркачев С.Г.* Концепт как “зонтиковый термин” // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. С. 5–12.
17. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
18. *Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурная концептология: учебное пособие к спецкурсу. Волгоград, 2009.
19. *Пименова М.В., Кондратьева О.Н.* Введение в концептуальные исследования: учебное пособие. Кемерово, 2009.
20. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
21. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М., 2004.
22. *Александрович Н.В.* Концептосфера художественного произведения в оригинале и переводе (на материале романа Ф.С. Фицджеральда “Великий Гэтсби”): АҚД. Волгоград, 2010.
23. *Мишатина Н.Л.* Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход: АҚД. СПб., 2010.
24. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1–7. Волгоград, 2005–2009.
25. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И.А. Стернина. М., 2007.
26. *Левонтина И.Б.* Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007 // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 122–126.
27. *Колесов В.В.* “Жизнь происходит от слова...”. СПб., 1999.
28. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: монография. М., 2004.
29. *Бобырева Е.В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография. Волгоград, 2007.
30. *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: монография. М., 2007.
31. *Чесноков И.И.* Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): монография. Волгоград, 2008.
32. *Карасик В.И.* Языковые ключи. М., 2009.
33. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
34. *Абеляр П.* Теологические трактаты. М., 1995.
35. *Степин В.С.* Культура // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М., 2001. С. 341–347.
36. *Черноморец М.В.* Лингвокультурные концепты германских канцлеров: АҚД. Волгоград, 2010.
37. *Богатова С.М.* Концепт ДОМ как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: АҚД. Омск, 2006.
38. *Болотнов А.В.* Вербализация концепта “хаос” в поэтическом дискурсе Серебряного века (на материале творчества М.И. Цветаевой, М.А. Волошина, О. Э. Мандельштама): АҚД. Томск, 2009.

39. *Згазинская О.Г.* Концепты “Париж” и “Киммерия” в творчестве М.А. Волошина: АКД. Архангельск, 2008.
40. *Колесникова В.В.* Художественный концепт “душа” и его языковая репрезентация (на материале произведений Б. Пастернака): АКД. Краснодар, 2008.
41. *Погосян Р.Г.* Концепт “судьба” и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф.К. Сологуба: АКД. Ставрополь, 2005.
42. *Саморукова Я.А.* Смысловая структура художественного концепта и способы её экспликации (на примере художественного концепта “самоубийство” в произведениях Л. Андреева, В. Набокова, Г. Газданова): АКД. СПб., 2009.
43. *Мержоева З.С.* Концепты родства в молодежном языковом сознании русских и ингушей: АКД, 2009.
44. *Стешина Е.Г.* Концепты “богатство” и “бедность” в молодежном языковом сознании русских и англичан: АКД. Саратов, 2008.
45. *Радван В.М.* Этноспецифический регулятивный концепт “cool” в американской лингвокультуре: АКД. Волгоград, 2008.
46. *Плавинская В.С.* Этноспецифический концепт “FUN” в американской лингвокультуре: АКД. Волгоград, 2008.
47. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1953.
48. *Almeida Costa J., Sampaio e Melo A.* Dicionário da língua portuguesa. Porto, 1975.
49. *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
50. *Яцуга Т.Е.* Ключевые концепты и их вербализация в аспекте регулятивности в поэтических текстах З. Гиппиус: АКД. Томск, 2006.
51. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета. М., 2010.
52. Лингвокультурные типы: признаки, характеристики, ценности. Волгоград, 2010.
53. *Стернин И.А.* Структура концепта // Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Воронеж, 2008. С. 172–184.
54. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. М., 2007. С. 12–13.
55. *Попова З.Д., Стернин И. А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. М., 2007. С. 7–9.
56. *Воркачев С.Г., Воркачева Е.А.* Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая // Массовая культура на рубеже XX–XI веков: Человек и его дискурс. М., 2003. С. 263–275.
57. *Перелыгина Е.М.* Катартическая функция текста: АКД. Тверь, 1998.
58. *Воркачев С.Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007.
59. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
60. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
61. *Гольдберг В.Б.* “Антология концептов”: рецензия // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 6. Волгоград, 2008. С. 4–17.
62. *Воркачев С.Г.* “Из истории слов”: лингвокультурный концепт // Новое в когнитивной лингвистике. Кемерово, 2006. С. 3–14.
63. *Бойченко А.Г.* Репрезентация концепта “питие” в русской языковой картине мира: АКД. Абакан, 2009.
64. *Катуков С.С.* Лексико-фразеологическая объективация концепта “Брань” в русском языке: АКД. Воронеж, 2006.
65. *Мешкова Т.С.* Способы актуализации концепта князь (на материале новгородской летописи): АКД. Архангельск, 2005.
66. *Павлова О.В.* Концепт “воровство” в русской и немецкой лингвокультурах: АКД. Волгоград, 2009.
67. *Лавриненко Т.А.* Прецедентный мир “Великая Отечественная война” в русской лингвокультуре: АКД. Волгоград, 2008.
68. *Чудакова Н.М.* Концептуальная область “неживая природа” как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.): АКД. Екатеринбург, 2005.
69. *Долгова И.А.* Концептуальное поле “терпение” в английской и русской лингвокультурах: АКД. Волгоград, 2006.
70. *Слепнева М.И.* Концептуальное поле “vertu” в “опытах” Мишеля Де Монтеня: АКД. СПб., 2008.
71. *Храмова Ю.А.* Концептуальная диада “лицемерие – искренность” (на материале русского и английского языков): АКД. Волгоград, 2010.
72. *Калуженина Д.В.* Художественный гиперконцепт ПРОСТРАНСТВО в поэзии конца XX века (на материале лирики К. Кинчева, Д. Ревякина, Ю. Кузнецова и А. Кушнера): АКД. Саратов, 2008.
73. *Путий Е.С.* Репрезентация макроконцепта “состояние человека” в современном немецком языке: АКД. Харьков, 2010.
74. *Лунцова О.М.* Градиент-концепт дружба – мир – вражда в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии): АКД. Волгоград, 2008.
75. *Русина Е.В.* Бинарные концепты “glory” и “disgrace” в американской лингвокультуре: АКД. Волгоград, 2008.
76. *Воркачев С.Г.* Идея патриотизма в русской лингвокультуре. Волгоград, 2008.

77. Черкасова И.П. Концепт “ангел” и его реализация в тексте: АДД. Волгоград, 2005.
78. Шаталова О.В. Концепт “бытие” в русском языке: АДД. Москва, 2008.
79. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: АДД. Волгоград, 2007.
80. Грабарова Э.В. Концепт *savoir vivre* во французской лингвокультуре и его русские соответствия: АКД. Волгоград, 2004.
81. Костьева М.А. Концепт “трудовые ресурсы” и его реализация в языке и культуре в сопоставительном освещении (на материале английского и русского языков): АКД. Москва, 2008.
82. Карасик В.И. Символические концепты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 11. Владикавказ, 2009. С. 24–29.
83. Черкасова Е.Н. Символический концепт “подарок” в языковом сознании (на материале американской и русской лингвокультур): АКД. Волгоград, 2009.
84. Воркачев С.Г. Дискурсивная вариативность лингвоконцепта (1): Любовь-милость // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 64. 2005. № 4. С. 46–55.
85. Воркачев С.Г. Дискурсивная вариативность лингвоконцепта (2): Любовь-жалость // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 65. 2006. № 2. С. 33–40.
86. Несветайлова И.В. “Зависть” и “ревность” как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур: АКД. Волгоград, 2010.
87. Палеха Е.С. Концепт *добро* в языке поэзии серебряного века: АКД. Казань, 2007.
88. Тихонова С.А. Концепты *ЗЛО* и *EVIL* в российской и американской политической картине мира: АКД. Екатеринбург, 2006. Т. 64.
89. Георгиева О. Н. Дискурсивная репрезентация этноспецифики французских и русских концептосфер “*bien/добро*” и “*mal/зло*”: АКД. Волгоград, 2010.
90. Старостина Ю.А. Метафора как средство языковой реализации концепта “запах” (на материале романа Патрика Зюскинда “Парфюмер. История одного убийцы”): АКД. Волгоград, 2010.